

УДК 930.1

«Апология истории» М. Блока в контексте смены парадигм исторической науки XX – начала XXI века

Матюшевская М.И.

Учреждение образования «Могилевский государственный университет
имени А.А. Кулешова», Могилев

В статье рассмотрены основные теоретические положения «Апологии истории» М. Блока как учебника по методологии истории. Цель работы – рассмотреть произведение в контексте изменения позитивистской парадигмы научного исторического знания в начале XX века, кризиса неклассической науки в 60–80-х годах XX века и современной научной рефлексии историков.

Материал и методы. Исследование выполнено с использованием методов научной компаративистики и системного подхода к изучению источниковедческих произведений европейских авторов конца XIX – начала XX века, переведенных на русский язык и имевших в научных кругах России широкую известность, а также «Апологии истории» М. Блока. Основным методом – анализ историографических источников и научной литературы, посвященной М. Блоку и его оппонентам в исторической науке XX – начала XXI века.

Результаты и их обсуждение. В начале XX века в европейской исторической науке широкую известность получили позитивистские сочинения Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Они имели своих сторонников до середины XX столетия, однако в данный период времени позитивистская парадигма уступила место неклассической науке. Наиболее авторитетным выразителем наступивших в науке перемен стал труд М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Сегодня это произведение не утратило своей актуальности. Доказательством тому являются историографические работы последних лет, написанные французскими и российскими исследователями.

Заключение. В середине XX века «Апология истории» М. Блока явилась «ответом» неклассической науки на «вызов», брошенный в конце XIX века европейскими историками-позитивистами. Во второй половине XX века французская школа «Анналов» и ее научные оппоненты признавали значение данного произведения для развития методологии исторической науки, но, отдавая дань памяти М. Блоку как яркой цельной личности, формулировали свои методологические принципы. Сегодня в науке актуален призыв возврата к идеям, изложенным в «Апологии истории». В ее современном изучении на первое место вышла проблематика, связанная с анализом околонулевых идеологических конфликтов конца XIX – первой половины XX века, а также прагматического контекста осмысления состояния европейской культуры в наши дни.

Ключевые слова: Э. Бернгейм, Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос, позитивизм, классический тип рациональности, М. Блок, неклассический тип рациональности, методология истории.

(Ученые записки. – 2015. – Том 20. – С. 67–74)

M. Bloch's «Apology of History» in the Context of Changing Paradigms of the XXth – Early XXIst Century History

Matsiusheuskaya M.I.

Educational Establishment «Mogilev State A. Kuleshov University», Mogilev

The article describes the main theoretical positions of M. Bloch's «Apology of History» as a textbook on the methodology of history. The purpose of the article is to consider this work in the context of changes in the positivist paradigm of scientific historical knowledge in the early twentieth century, the crisis of non-classical science in the 60–80-ies of the XXth century and contemporary scientific reflection of historians.

Material and methods. The study was performed using the methods of comparative scientific and systematic approach to the study of source works by European authors of the late XIXth – early XXth century, translated into Russian and famous in academic circles of Russia as well as M. Bloch's «Apology of History». The main method of the study was analysis of the historiographical sources and scientific literature on M. Bloch and his opponents in the historiography of the XIXth – early XXIst centuries.

Findings and their discussion. In the early XXth century in European historiography widely known were works by positivists E. Bernheim, SH.-V. Langlois and S. Seignobos. They had their supporters to the middle of the XXth century, but at that time, the positivist paradigm gave way to non-classical science. The most authoritative spokesman of changes

Адрес для корреспонденции: e-mail: Marija211170@yandex.ru – М.И. Матюшевская

occurring in science was M. Bloch's «Apology of History or the Historian's Craft». Today, this work has not lost its relevance. The proof of this is the historiographical works of recent years, written by French and Russian researchers.

Conclusion. In the middle of the XXth century M. Bloch's «Apology of History» was the «answer» of non-classical science to the «challenge» posed by the end of the XIX century European historians positivists. In the second half of the twentieth century French school of «Annals» and its opponents acknowledged scientific value of the work for the development of the methodology of history, but as a tribute to the memory of M. Bloch as a bright personality, formulated their methodological principles. Today, in science a call for a return to the ideas set out in the «Apology of History» is relevant. In its present study the problems connected with the analysis of pseudo-scientific ideological conflicts of the late XIXth – early XXth century came to the foreground, as well as a pragmatic understanding of the context of the state of European culture today.

Key words: E. Bernheim, SH.-V. Langlois, C. Seignobos, positivism, classical type of rationality, M. Bloch, nonclassical type of rationality, methodology of history.

(Scientific notes. – 2015. – Vol. 20. – P. 67–74)

В современной науке прочно утвердился термин «парадигма» – совокупность убеждений, ценностей и связанных с ними научных достижений, дающих научному сообществу модель постановки и решения теоретических проблем. Это понятие вошло в широкий научный оборот в 1970-х годах благодаря американскому исследователю Т. Куну [1]. В отечественной науке оно используется наряду с понятием «тип рациональности», автором которого является В.С. Степин [2]. В трудах ученого тип рациональности рассматривается как система идеалов и норм исследования в науке определенного периода. Эти идеалы имеют философские основания: онтологические (категории «вещь», «свойство», «отношение», «процесс», «состояние», «причинность», «необходимость», «случайность», «пространство», «время» и т.д.) и эпистемологические (относящиеся к теории познания, т.е. понимание истины, метода, доказательства, теории, факта и пр.). Философские основания науки обеспечивают состыковку науки и культуры. На этом стыке складывается научная картина мира, а также идеалы и нормативные структуры науки.

По мнению В.С. Степина, за время своего существования наука прошла три основных этапа развития:

1. Классический тип рациональности (XVII–XVIII века – додисциплинарная наука; XIX век – дисциплинарно организованная наука).
2. Неклассический тип рациональности (возник на рубеже XIX–XX веков).
3. Постнеклассическая наука (начала формироваться в последнюю треть XX века и господствует до наших дней).

Каждый тип рациональности предлагал собственное видение субъекта, объекта, методов и результатов исследований, рисовал свою научную картину мира.

Выводы В.С. Степина и теоретическая характеристика каждого из выделенных им ти-

пов рациональности основаны, в первую очередь, на анализе истории естественных наук, которые всегда находились в авангарде развития научного знания. Гуманитарные науки подчинялись заданному ими ритму лишь отчасти. Здесь во все исторические эпохи гораздо ярче проявляли себя национальные и культурные особенности той или иной страны, народа, социальный заказ государственной власти и общества, интеллектуальные традиции и личный талант исследователя.

Доказательством тому является научная судьба одного из самых ярких и влиятельных произведений XX столетия – «Апологии истории», написанной знаменитым французским ученым-медиевистом М. Блоком. В 2016 году этому произведению исполнится 75 лет, но оно по-прежнему вызывает у историков живой интерес и научные споры.

Цель работы – рассмотреть «Апологию истории» М. Блока в контексте изменения позитивистской парадигмы научного исторического знания в начале XX века, кризиса неклассической науки в 60–80-х годах XX века и современной научной рефлексии историков.

Материал и методы. Исследование выполнено с использованием методов научной компаративистики и системного подхода к изучению источниковедческих произведений европейских авторов конца XIX – начала XX века, переводившихся на русский язык и имевших в научных кругах России широкую известность, а также «Апологии истории» М. Блока как учебников по методологии истории. Основной метод – анализ историографических источников и научной литературы, посвященной М. Блоку и его оппонентам в исторической науке XX – начала XXI века.

Результаты и их обсуждение. В начале XX века в исторической науке Российской империи широкую известность получили «Введение в историческую науку» (1889 г.) немецкого историка Э. Бернгейма [3] и «Введение в изучение

истории» (1898 г.) французских ученых Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса [4].

Эти исследования концентрировались вокруг проблемы: как возможно историческое познание в условиях не наблюдаемости ученым своего объекта? Э. Бернгейм, а также Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос решали ее с позитивистских позиций.

Э. Бернгейм видел главную задачу исторического анализа в четкой классификации исторических источников «по степени их близости к фактам». Он выделил два класса источников: исторические остатки и историческая традиция. Историческими остатками Э. Бернгейм считал «остатки в собственном смысле» (антропологические и «кухонные остатки») и «другие» (данные языка, жилые строения, продукты материальной и духовной деятельности людей). К исторической традиции он отнес все то, что в той или иной степени содержит сведения о прошлом и является, по его мнению, историческим материалом – изобразительным, устным, письменным.

Такая классификация, был убежден Э. Бернгейм, показывает различные формы отражения факта в источнике и тем самым задает направление научной работе с ними. Исторические остатки требуют лишь приемов установления их подлинности. Если подлинность несомненна и вещественный предмет или документ не представляет собой подделки, то он может использоваться для изучения того факта, остатком которого этот источник является. Для исторической традиции, напротив, проверка достоверности необходима. Поскольку изучаемый историком факт передан не непосредственно, а с помощью другого лица (мемуариста, хрониста), то степень достоверности свидетельства нуждается в проверке.

Несколько иным был вариант метода исторического исследования, предложенный Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобосом. «Нет письменных документов – нет истории», – утверждали они. В их теоретической концепции центральное место принадлежало проблеме определения отношения, которое существует между документом («следом, оставленным мыслями и действиями некогда живших людей») и сообщаемым им фактом. Для этого учеными была разработана система правил поэтапного изучения письменного источника.

Первый этап состоял во внешней критике документа. В его задачи входила восстановительная критика (выбор надежного текста) и критика происхождения (выяснение, откуда

документ происходит, к какому времени относится, кто его автор).

Вторым этапом исследования предполагалась критика внутренняя. Ее целью ставилась критика толкования (разгадка истинного смысла, вложенного в текст его автором) и отрицательная внутренняя критика достоверности (отрицательная потому, что она должна отбросить ложные сведения).

На втором этапе изучения источника Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос предусматривали также дополнительные методологические приемы. Первый из них заключался в анализе каждого свидетельства для нахождения ответа на вопрос, насколько можно ему верить. Второй прием предписывал все свидетельства документа изучать отдельно. Например, в акте о продаже отдельно проверять данные, сообщающие ее время, место, сведения о продавце, покупателе, предмете, цене, условиях договора. Что касается проверки искренности автора, то в данном учебнике рассматривались условия, которые могли бы повлиять на него. К ним относились стремление к выгоде, следование литературным этикетам и т.п.

Итогом применения своей научной методики Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобос видели гарантию объективности исторического исследования. Историк, полагали они, используя описанные ими правила, сможет извлечь из документа определенную сумму единичных, вполне достоверных исторических фактов. После группировки их по хронологическому, логическому и иным признакам он получит искомую истинность результата исследования [5].

На рубеже XIX–XX веков труды Э. Бернгейма, Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса выступали как квинтэссенция накопленного позитивистскими историками теоретического опыта. В начале XX века он уже имел своих оппонентов: марксистов, неокантианцев, В. Дильтея. В России, активно перенимавшей и творчески перерабатывавшей западноевропейскую научную мысль, формировались свои исторические школы с яркими лидерами – В.О. Ключевским, А.С. Лаппо-Данилевским и др. С приходом к власти большевиков в СССР стал создаваться новый вариант марксистской методологии истории.

В 20-х годах XX века теоретические установки классической науки ушли в прошлое. Позитивистскую парадигму сменила неклассическая наука. Ее методологические постулаты были таковы [2; 6]:

1. Научный объект (в социальных науках – общество) стал характеризоваться не как физическое тело, а как сложная система, процесс, состояние которого не сводимо к сумме состояний его частей.

2. Субъект науки (ученый) рассматривался как составная часть своего объекта. Утвердилось убеждение, что субъект науки неизбежно активен в познании. Он не может быть пассивным созерцателем своего объекта.

3. Основой методологии научного познания стал диалог. Возникло понимание того обстоятельства, что ответы природы и общества на наши вопросы определяются не только их устройством, но и способом постановки вопросов. Он, в свою очередь, зависит от исторического развития средств и методов познавательной деятельности.

4. Произошел отказ от понимания научных законов как абсолютных, раз и навсегда данных, неизблемых. Результат научных поисков также стал восприниматься как относительный. Научный факт характеризовался в качестве сложной теоретической конструкции.

5. Наука перешла к междисциплинарным исследованиям, стала проблемно ориентированной.

В неклассический период развития ускорилась дифференциация гуманитарных наук. На качественно новом уровне была осознана их связь с философией. Последовавший за Первой мировой войной и революциями в Европе крах теории прогресса усилил антиэволюционную тенденцию в социологических исследованиях. На смену рационализму пришла эпоха модернизма. Новое общество как результат индустриализации и урбанизации противопоставляло себя традиционному обществу; зачастую делало это воинственно и эпатажно – авангард.

В исторической науке неклассического периода ученые отказались от господствовавших ранее трактовок исторического источника как «вместилища» готовых фактов-«кирпичиков» научной истины и исторического факта как элементарной единицы научного знания. Наряду с пониманием того, что историческое мышление зависит от наличия исторических источников, возникло осознание «зависимости» самих исторических источников от исторического мышления, изобретательности интеллекта историка, его методологической и методической вооруженности.

Наиболее резонансным и авторитетным выразителем наступивших в исторической

науке методологических перемен стал труд М. Блока «Апология истории, или Ремесло историка». Это произведение начинается вопросом, который задает ребенок своему отцу: «Папа, а зачем нужна история?». Наивный вопрос? Нет, рассуждает М. Блок. Любая наука будет казаться нам бесполезной, если не поможет жить лучше. Однако от истории пока рано ждать жизненных рецептов. Она – наука, переживающая детство.

Предмет истории – люди во времени. Эта наука непрестанно связывает изучение мертвых с изучением живых. Ее интересует сознание людей: отношения, завязывающиеся между людьми, взаимовлияние и даже путаница, возникающая в их мозгу. Все это составляет для истории подлинную действительность.

Цель историка – узнать о прошлом значительно больше, чем ему угодно было открыть нам. Для ее достижения историческое исследование должно быть не повествовательным, а проблемным. Его основа – вопрос «Почему?». Этот вопрос предполагает активную исследовательскую позицию: мы играем роль следователя, пытающегося восстановить картину преступления, при котором сам он не присутствовал.

У ученого есть лишь показания свидетелей – исторических источников. При работе с ними историку необходимо составить список интересующих его вопросов. М. Блок подчеркивал, что ученый может не осознавать того, что вопросы в любом случае диктуются ему утверждениями или сомнениями, которые возникают в ходе исторического исследования, его личным опытом или сложившейся научной традицией. Однако важно перевести эти вопросы в рациональную плоскость и задавать их сознательно.

Это должен быть чрезвычайно гибкий набор вопросов, способный по пути обрести множеством новых пунктов, открытый для всех неожиданностей. Исследователь знает, что назначенный при отправлении маршрут не будет выдержан с абсолютной точностью. Но без маршрута ему грозит вечно блуждать наугад.

Историческое расследование может вести только ученый-профессионал. Письменные тексты или археологические находки говорят лишь тогда, когда умеешь их спрашивать: кремневые орудия изобиловали в наносах Соммы как до Буше де Перта, так и после него, однако не было человека, умеющего спрашивать, – не было и доисторических времен.

Научный опрос не может вести узкий специалист. Проблема возникает на стыке различных наук. Любое проблемное исследование является междисциплинарным. Поэтому историк должен быть готов к коллективному труду. За такой работой – будущее исторической науки.

М. Блок описал свое видение критического метода, которым должен руководствоваться историк. Он разделил исторические источники на намеренные свидетельства, ненамеренные и фальшивки. Намеренные свидетельства сознательно оставляются современниками исторических событий для потомков. Они важны, т.к. позволяют увидеть прошлое в связанном рассказе. Ненамеренные свидетельства более правдивы. Формулы папирусов мертвых были предназначены лишь для того, чтобы их читала находящаяся в опасности душа и слушали одни боги. Житель свайных построек, когда бросал кухонные объедки в соседнее озеро, где их ныне перебирает археолог, хотел лишь очистить хижину от мусора.

Фальшивые свидетельства требуют разоблачения лжи и ошибок. Историка должны интересовать умышленные неточности и ненамеренный обман в свидетельствах. В этом случае ученому надо сначала констатировать обман, а затем постараться за обманом увидеть обманщика и раскрыть его мотивы.

К умышленным неточностям М. Блок отнес датирование документов задним числом и канцелярские формулы их составления. Он указывал также, что существует более коварная форма лжи – потаенная переработка информации. Ученый сожалел, что газета до сих пор все еще не имеет своего Мабильона.

Ненамеренные фальшивые свидетельства, по мнению М. Блока, более разнообразны. Если обман становится типичным явлением для всего общества определенной эпохи, то ложь приобретает документальную ценность, она становится зеркалом для коллективного сознания. Чаще всего историк сталкивается с личностными причинами обмана: ошибками памяти и восприятия. М. Блок указывал, что в 1920–1930-х годах возникла новая научная дисциплина – психология свидетельства. Однако он признавал, что критика свидетельства, занимающаяся психическими явлениями, всегда будет тонким искусством. Для нее нет готовых рецептов.

М. Блок полагал: научный труд всегда является открытием, а значит – неожиданностью, отклонением от дороги, проторенной

другими исследователями. Особое искусство – уметь найти интересующих тебя свидетелей прошлого. На результате научного труда сказываются природные катастрофы и изменения климата, уничтожающие исторические источники, революции, миграции рукописей и даже иррациональные моменты: случайные, незапланированные находки.

В этой связи М. Блок рассуждал об особенностях исторического процесса в целом. Ученый характеризовал его как огромный континуум, в котором великие потрясения способны распространяться от самых отдаленных молекул к ближайшим. Исторический процесс поливариантен. В нем всегда есть возможности, мало проявляющиеся, но каждый миг способные пробудиться, бессознательные индивидуальные или коллективные настроения людей, остающиеся в тени. Поэтому историк должен рассматривать исторические источники в «большом времени». Феномен человеческой жизни – звено цепи, проходящей через века. Некоторые цепи обрываются. Цивилизации смертны.

Причинно-следственные связи, писал М. Блок, часто бывают множественными. При их анализе особое внимание следует уделять изучению структур общества. Однако их анализ нельзя абсолютизировать. В историческом процессе велика роль случайных причин. Игральная кость теоретиков – идеально уравновешенный куб. Если в одну из его граней впасть свинцовый шарик, то шансы игроков уже не будут равны. Критика свидетельств почти сплошь имеет дело с краплеными костями. Здесь постоянно вмешиваются тончайшие элементы человеческой природы, склоняя чашу весов в сторону какой-либо одной из преобладающих возможностей.

Человеческую природу надо учитывать и тогда, когда речь идет об историческом времени. Оно противится жесткому делению на физические отрезки, свойственные часам. Для него нужны единицы измерения, согласующиеся с его собственным ритмом. Такой единицей исторического времени М. Блок видел поколение.

Итог научного исторического исследования М. Блок характеризовал следующим образом. Мы имеем дело с явлениями завершенными. Исследователь доисторических времен из-за отсутствия письменных данных также не способен восстановить религиозные обряды людей каменного века, как палеонтолог – железы внутренней секреции палеозав-

ра, от которого сохранился лишь скелет. Историк имеет право сказать: «Я не знаю», – но сделать он это может только после самых энергичных и отчаянных розысков.

Ученый не должен судить предшествующие поколения. Он должен понять их мысли и поступки. Работа историка – встреча людей в веках. Неоценимы выгоды для жизни и для науки, если эта встреча будет братской [7].

Научные идеи М. Блока не сразу нашли положительный отклик среди историков. Как отметил А.Я. Гуревич, одновременно с написанием «Апологии истории» М. Блока в начале 1940-х годов вышел в свет труд знаменитого французского историка Л. Альфана «Введение в историю». В нем ученый доказывал необходимость дальнейшего сохранения в исторической науке позитивистского метода исследования, изложенного в трудах Ш.-В. Ланглуа и Ш. Сеньобоса. Различался подход к изучению исторического процесса у М. Блока и Л. Февра – друзей и основателей французской школы «Анналов». Л. Февр был историком цивилизаций и интеллектуальной жизни эпохи Ренессанса. В центре его внимания находились выдающиеся деятели Возрождения. М. Блок интересовался преимущественно социальной и экономической жизнью обычных людей средневековья. Он выступал за «тотальную» историю, в которой человек определенной эпохи рассматривается в его целостности – человек политический, религиозный, хозяйственный, чувствующий, имеющий определенную ментальность.

По оценке А.Я. Гуревича, М. Блок как историк отличался исключительной цельностью личности: он был не только выдающимся историком, но и патриотом, который отдал свою жизнь за свободу Франции и погиб от рук фашистов. Биография М. Блока неразрывна с восприятием его теоретических идей в научном сообществе. Вместе с тем, А.Я. Гуревич констатировал: в 1960–1980-е годы школа «Анналов», сохранив в своих исследованиях традицию написания «тотальной истории», в целом ушла от методологии научного познания, которой придерживался М. Блок [8].

В СССР научные идеи М. Блока стали широко известны массовому читателю в середине 1980-х годов, когда была переведена на русский язык и опубликована вместе с работой «Феодальное общество» его «Апология истории». Основной причиной интереса к данному произведению стала дань уважения, которую советские ученые отдавали М. Блоку

и всей школе «Анналов» как основным оппонентам марксистско-ленинской методологии истории. Немаловажную роль сыграл также факт осознания кризиса развития, в который вступила историческая наука. Его признанием стал «круглый стол», проведенный совместно советскими и французскими историками в Москве в 1989 году [9].

Сегодня «Апология истории» М. Блока по-прежнему обращает на себя внимание и вызывает в научном мире живой интерес. Доказательством тому являются обобщающие работы последних лет, написанные российскими исследователями.

Н.В. Трубникова на основе анализа индекса цитирования М. Блока во французской историографии второй половины XX – начала XXI века соглашается с выводами французских историков о том, что преемники М. Блока не приняли его наследия. Со ссылкой на работы Ж. Нуарьея она сравнивает методологию истории, представленную в «Апологии истории» М. Блока и сочинении П. Вейна «Как пишут историю» (1970 г.):

Марк Блок	Поль Вейн
Профессиональная практика	Дискурсивная практика
Научная истина	Интрига
Коллективная работа	Индивидуальное сочинение
Коммуникация	Вдохновение
Дисциплинарная специализация	Междисциплинарность
Солидарность	Основание
Связь	Разрыв
Естественный язык	Теоретический язык
Отдавать отчет	Свобода мысли
Труженик	Автор
Метод	Личная философия

Н.В. Трубникова указывает: «...В настоящее время фигура великого медиовиста в едином фокусе собирает... целый комплекс насущных вопросов. Главный из них связан с поисками легитимных оснований профессиональной деятельности историка, все более и более независимой, самодостаточной, но также вызывающей сомнение в ее общественной нужности, – то есть с тем кругом проблем, которые стали в свое время темой “Апологии истории”...» [10, с. 191].

Н.В. Трубникова переводит изучение «Апологии истории» в область прагматической историографии. Анализируя научные дискуссии современных французских историков, она пишет: «...Последние двадцать лет бытия исторической науки отмечены появлением “истории памяти”. Ее формирование

есть следствие внутренних эволюций самой дисциплины, в первую очередь, истории ментальностей... История памяти по-новому оценивает связи между историей, памятью и национальной идентичностью...» [11, с. 121]. Память о прошлом становится автономной по отношению к истории. Она распадается на личностные и групповые представления об отдельных эпизодах национального прошлого, которые ставят под сомнение общую картину официальной национальной истории. «Долг памяти» трансформируется в «светскую религию», становится систематическим предприятием социального самоутверждения меньшинств (сексуальных, религиозных или этнических) и обвинений в адрес историков. В этой связи в современной Франции образ Марка Блока качественно трансформируется. Начиная с середины 1990-х годов, он превращается в гражданскую фигуру.

Анализ французской историографической литературы последних лет, посвященной М. Блоку, представлен также в статье С.Л. Козлова. В ней автор обращает внимание на следующий момент: «...Книга Марка Блока “Апология истории” сегодня нуждается в обширном комментарии, которого не существует...» [12, с. 302]. С.Л. Козлов дает необходимый комментарий, основываясь на первом разделе третьей главы этой книги – «Очерк истории критического метода». Здесь М. Блок рассуждает о колоссальном значении в исторической науке критического метода, основы которого были заложены в XVII веке Папёброхом, Мабильоном и Р. Симоном, а затем подчеркивает современные трудности в развитии данного метода.

С.Л. Козлов отмечает, что конфликт между «порядочными людьми», «эрудитами» и «остроумцами», о котором идет речь в сочинении М. Блока, был связан с внедрением во Франции практик профессионального гуманитарного и социального знания, относящихся к сфере науки и построенных по немецкому образцу. Эти практики категорически противоречили ценностно-функциональной матрице, лежавшей в основе институционального устройства французской культуры и восходившей к культурным нормам, утвердившимся во второй половине XVII века. «...Вопрос о “порядочном человеке в старом смысле слова” оказывался вопросом об отношении современного образования к “общей культуре” и при этом предполагал совершенно определенные общественно-политические

импликации...» [12, с. 312]. По оценке С.Л. Козлова, в «Апологии истории» М. Блок стремился преодолеть бинарные классификации, свойственные сознанию его современников. Поэтому стиль «Апологии истории» подчеркнуто невоинственный. М. Блок «...противопоставляет свою позицию другим существующим позициям, но делает это всегда взвешенно и нюансированно, в спокойном тоне и с минимумом персональных полемических отсылок...» [12, с. 303].

Заключение. В середине XX века «Апология истории» М. Блока явилась «ответом» неклассической науки на «вызов», брошенный в конце XIX века европейскими историками-позитивистами. По сравнению с популярными на рубеже XIX–XX веков позитивистскими учебниками по источниковедению в «Апологии истории» «ремесло историка» описано на основе качественно иных характеристик научного метода и субъект-объектных отношений в исторической науке. Основные теоретические положения данного произведения не утратили своей актуальности и в современной постнеклассической науке.

Во второй половине XX века историографическая судьба «Апологии и истории» была сложной. С одной стороны, основанная М. Блоком и Л. Февром французская школа «Анналов» и ее научные оппоненты признавали значение данного произведения для развития методологии исторической науки. С другой стороны, отдавая дань памяти М. Блоку как яркой цельной личности, они формулировали свои методологические принципы.

В настоящее время в науке актуален призыв возврата к идеям, изложенным в «Апологии истории». В ее современном изучении на первое место вышла проблематика, связанная с анализом околонаучных идеологических конфликтов конца XIX – первой половины XX века, а также прагматического контекста осмысления состояния европейской культуры в наши дни.

Литература

1. Кун, Т. Структура научных революций / Т. Кун. – М.: Прогресс, 1975. – 412 с.
2. Степин, В.С. Научное познание и ценности техногенной цивилизации / В.С. Степин. – Вопросы философии. – 1989. – № 10. – С. 3–19.

3. Бернгейм, Э. Введение в историческую науку / Э. Бернгейм. – М.: Изд. М.Н. Прокоповича, 1908. – 135 с.
4. Ланглуа, Ш.-В. Введение в изучение истории / Ш.-В. Ланглуа, Ш. Сеньобос. – СПб.: Изд. О.О. Поповой, 1899. – 275 с.
5. Матюшевская, М.И. Учебники по методологии исторического исследования рубежа XIX–XX веков как источники по изучению позитивистского типа рациональности / М.И. Матюшевская // Актуальные проблемы источниковедения: материалы междунар. науч.-практ. конф. к 135-летию со дня рождения В.И. Пичеты, Минск–Витебск, 9–11 окт. 2013 г. / Вит. гос. ун-т; редкол.: А.Н. Дулов (отв. ред.) [и др.]. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2013. – С. 13–16.
6. Лукашевич, В.К. Философия и методология науки: учеб. пособие / В.К. Лукашевич. – Минск: Соврем. шк., 2006. – 320 с.
7. Блок, М. Апология истории, или Ремесло историка / М. Блок. – М.: Наука, 1986. – 256 с.
8. Гуревич А.Я. Исторический синтез и школа «Анналов» / А.Я. Гуревич. – М.: «Индрик», 1993. – 328 с.
9. Споры о главном: дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / отв. ред. Ю.Л. Бессмертный. – М.: Наука, 1993. – 207 с.
10. Трубникова, Н.В. Марк Блок: образ идеального историка и вызовы современной Франции / Н.В. Трубникова // Вестн. Томск. гос. ун-та. – 2004. – № 284. – С. 190–195.
11. Трубникова, Н.В. История и память в бесконечном диалоге: дискуссии французских историков / Н.В. Трубникова // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М.: КомКнига, 2005. – С. 121–131.
12. Козлов, С.Л. Историческая наука и «порядочные люди»: материалы для комментария к «Апологии истории» / С.Л. Козлов // Одиссей: Человек в истории. – 2008. – № 1. – С. 302–336.

Поступила в редакцию 09.10.2015 г.